

Рам Ларсин

**Мозаика
ЧУВСТВ**

Рам Ларсин

Мозаика чувств

«Книга-Сэфер»

2019

Ларсин Р.

Мозаика чувств / Р. Ларсин — «Книга-Сэфер», 2019

ISBN 678-965-7288-50-9

В свою новую книгу известный израильский писатель Рам Ларсин включил два произведения. Повесть «Мозаика чувств» и роман «Прощание» Как и в предыдущих книгах, главные герои книг Ларсина – израильтяне, приехавшие в раннем детстве из «Союза», как они называют уже бывший СССР, но сохранившие в себе неистребимый особый менталитет, отличающий их от коренных уроженцев страны и репатриантов из иных стран. В стране, где сконцентрированы века истории, где все преувеличивается – и сжигающая жара и пронизывающий холод, и острые специи и тембры голосов и политика, – они живут, воюют, любят. В первую очередь, это книга – о любви. Эта любовь случается только в Израиле, а, может быть, и в любой иной точке света...

ISBN 678-965-7288-50-9

© Ларсин Р., 2019
© Книга-Сэфер, 2019

Содержание

Мозаика чувств	5
Падающая статуя	5
Царица Береника	10
Маскарад	15
Мираж	20
Алла свидетель	22
Мусса	24
Обнимитесь миллионы	26
Рина	32
Ешу	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Рам Ларсин

Мозаика чувств

*Ирине,
моей своенравной дочери*

Мозаика чувств

Повесть

Падающая статуя

Живя почти рядом, Илья старался обходить фонтан на площади Дизенгоф, который раздражал его своей несуразностью, примитивностью, а цветные вертикальные полосы вокруг свидетельствовали о жалкой фантазии архитектора.

И когда прошел слух, что все здесь будут менять, он решил сам убедиться в этом.

Однако фонтан был на месте. Его, очевидно, и не думали разбирать, а просто решили приукрасить какой-то статуей – хрупкой девушкой, одиноко маячившей на фоне сверкающих водяных струй.

Он повернул назад, но его удивило, что тут собирается публика и, приблизившись, понял почему. Что-то в этой статуе было необычно. Стоя на какой-то тумбе, она казалась созданной из странного материала, среднего между живым телом и мрамором – белое лицо в овале золотистых волос, острые юные груди и стройные ноги, одна из которых застыла в воздухе.

Может быть, перед ними образец – как называют новую науку – бионики?

Минуту-другую люди ждали чего-то, может быть, вспоминая, как в прежние романтические времена мрамор превращался в горячую плоть, но то было давно, а в наш век житейской прозы и прозака это случиться не может.

Тут Илья увидел на земле маленькую женскую сумочку в виде бархатного тигренка и понял все.

Внезапно с моря раздалось легкое жужжание и появился вертолет, как бы направлявшийся к статуе. Подозрение Ильи подтвердилось, потому что девушка покачнулась и упала бы, если бы он не успел подхватить ее на руки.

Растерянно поблагодарив, девушка кланялась публике, которая снисходительно хлопала и бросала ей звонкий эквивалент своей благодарности. И кто-то, очевидно знакомый, крикнул:

– Bravo, Рина!

Наконец, смущенно подняв своего тигренка, она направилась к киоску, попросила колу. Пальцы ее теребили застежку на сумочке, но та застряла, и это дало Илье возможность протянуть продавцу свои двадцать шекелей. Только теперь она взглянула на него и пробормотала:

– Спасибо!

Они присели за столик.

– Меня зовут Илья! – представился он.

– Серьезное имя, – кивнула девушка, – но, извините, ваша прическа не очень подходит к нему.

Илья рассеянно пригладил темную косичку, которой кончались его волосы:

– Это было модно у нас в институте, и я тоже не устоял.

Потом сказал:

– Хочу спросить вас кое о чем.

– Что ж, за свои деньги вы имеете право задавать любые вопросы. Кстати, сколько я вам должна?

Тот усмехнулся:

– Это мы, ваши зрители, в долгу перед вами за оригинальное представление. Вы так зарабатываете на жизнь?

– Я раньше училась в Университете, – объяснила Рина, – но потом бросила и теперь работаю в танцевальном ансамбле, хотя получаю гроши. Вот и приходится проявлять инициативу на стороне.

Вечерело. Вдали, в окнах высоких гостиниц медленно тускнело отражение заходящего солнца. Рина поёжилась:

– Становится прохладно. Вы не спешите домой?

– Нет, я живу недалеко отсюда.

Сидящий рядом парень громко засмеялся чему-то, и Рине это не понравилось:

– Здесь слишком шумно. Может быть... пойдём в более тихое место?..

Илье показалось, что губы ее вспухли, прежде чем произнести:

– Например, к вам?..

Его будто ударило током. «Ах, вот оно что!» – мелькнула циничная мысль. Он не был опытен в таких делах, а ее наигранная – или явная – беспомощность отталкивала и привлекала.

Он поднялся:

– Пойдемте!

Чтобы успокоиться, Илья повел ее вокруг – мимо старого кинотеатра, сиротливо стоящих машин, чахлого скверика, потом вверх по недружелюбно скрипящей лестнице чуть ли не к самой крыше. Протиснувшись между хозяйскими вазонами с колючими кактусами, они очутились в маленькой, похожей на мансарду квартире.

И тут словно открывалось другое измерение – уютный мир старых вещей, оставленных прежним жильцом, приехавшим из Питера и умершем на новой родине: книжный шкаф из

карельской березы с изящно вырезанными стеклами, сквозь которые тоскливо смотрели именитые авторы, как бы жалуясь на нестерпимую тесноту; медный торшер под выцветшим абажуром, бледным и задумчивым, как петербургское небо; в углу – царь Петр, шпорящий бешеного коня, а тот напрасно пытается оторваться от тяжелого пьедестала, и на стене – единственный московский гость – одиноко сидящий Демон Врубеля, «страшные глаза, – процитировал Илья, – гордыня, разум, неземная мудрость, усталость, скорбь »...

Но Рина не оценила эти прекрасные стихи.

Внимание её привлек портрет женщины, странный, сделанный из каких-то кристаллов:

– А это кто?

– Моя мать... – тепло сказал Илья.

– Какая красота!

– Мозаика. Я учился этому в Москве, где и сейчас живет моя семья.

– Смотрит прямо в душу, – пробормотала Рина.

– Это оникс! Только он может передать живой взгляд человека.

– Вы похожи на нее, – зорко подметила Рина, – у вас обоих выпуклый лоб и серые грустные глаза.

Внезапно она засуетилась, ища что-то, и Илья понял:

– Ванная там!

Девушка старалась закрыться изнутри, но замка здесь не было, одна ее рука расстегивала пуговицу на блузке, другая придерживала дверь, которая сопротивлялась и на мгновение открыла Илье белую грудь с алыми сосками. Он решил, что она ждет его, и чтобы показать себя настоящим мужчиной, шагнул туда, но Рина, крикнув что-то, обожгла его отчаянной пощечиной.

И сразу опомнилась.

– Простите, – шептала она и, смочив под краном платок, прижала к окровавленному носу Илья. Потрясенный, он опустился на край ванны, и его боль вылилась в крике:

– Что же тебе нужно?

Тогда слезы хлынули из ее глаз:

– Нет, не это, нет!

Илья не знал, что и думать...

Потом они молча и отчужденно сидели в разных концах комнаты, не глядя друг на друга.

Внезапно Рина заговорила, волнуясь:

– Вы извините меня... если узнаете... почему я напросилась к вам... Просто мне негде жить. Как прозаично, правда?... Мои родители, актеры, остались в Молдове, а я уехала сюда, живу одна в домике, оставшимся от бабки.

– Так в чём же проблема? – угрюмо спросил он.

– В том, что это в Ор-Иуде, рядом с аэродромом, и шум самолетов сводит меня с ума.

Она обхватила голову руками, словно услышала это сейчас:

– А недавно к нам стал летать Аэробус – огромная машина, которая изрыгает страшный рев и гонит меня из дома, чтобы найти спасение у родственников, подруг... у вас...

Она сжалась вся в несчастный комок, и Илью вдруг охватила острая жалость к этому странному и странно страдающему существу. Может быть, предложить ей остаться здесь? Это было первое движение души, от которого предостерегал Талейран, потому что оно всегда искреннее. И Илья выбрал второе.

– Знаешь, – сказал он, глядя в сторону, – я пока отвезу тебя домой, а потом... что-нибудь придумаем...

– Что ж, – слегка разочарованно проговорила Рина, – но сначала мне бы отдохнуть часок. Я очень устала.

– Да, можешь прилечь в спальне, тебе будет удобно.

Она прилегла на диван, и Илья, протягивая ей подушку и плед, проговорил неуверенно:
– Мне кажется, что там, у фонтана твои глаза были карие, а сейчас – янтарные...

Рина устало улыбнулась:

– Да, они меняют цвет. Семейная аномалия – у нас с матерью, но она широко раскрывает их, чтобы привлечь внимание, а я – наоборот, стараюсь скрыть это.

Голос Рины прервался и затих. Она спала.

Веки его тоже слипались. Он рухнул на кровать, решив немного набраться сил, но когда сознание вернулось к нему, уже брезжило утро.

– Рина, Рина! – будил он тяжело спящую девушку. – Очнись, я опоздаю на работу! А ведь нужно еще отвезти тебя домой!

Они наскоро выпили кофе, Илья торопил ее с плохо скрываемым желанием скорее вернуться к обычному образу жизни.

Как водится в таких случаях, ключи запропалились куда-то, его старый Фиат не хотел заводиться и при выезде со двора поцарапал чью-то машину. Под ироническим взглядом девушки Илья оставил записку с номером своего телефона на капоте новенького «Вольво».

– Так что, едем в Ор-Иуду?

– Да.

Свернув на широкое шоссе, он дал газ.

– Скажи, – спросил Илья, чтобы не сидеть молча, – у тебя есть парень?

– Нет.

– Ну, может быть, был?

– Был кое-кто... я звала его Рыжик... но сразу выяснилось, что секс без любви мне отвратителен.

– Боже мой, да ты создана для этого – такая красивая, чистая, как дева Мария на старых картинах!

– И это говорит еврей! – поддела она его. – Кстати, о Марии. Не понимаю, зачем христианам понадобилось, чтобы Иисуса родила земная мать? Ведь это неотъемлемо от физиологии женщины, ее месячных, мук беременности, тошноты, отхода предродовых вод, схваток, отвратительного запаха, крови. И так родился бог! Что же говорить о нас, смертных?

Илья был поражен:

– Откуда у тебя эти крайности?

Помолчав, она проговорила:

– Раз уж мы зашли так далеко... мне давно хотелось разделить это с кем-нибудь... По бедности нашей семьи у меня не было няньки, я провела детство в театре, где слишком рано поняла, чем занимается за темными кулисами кое-кто из актеров, не исключая – губы Рины передернулись – моих родителей... Может быть, поэтому мне трудно переносить физические прикосновения других. Более того – когда я представляю это, мне сразу видится обезумевшая вздыбленная плоть, грубое биение друг о друга и стоны, похожие на крики зверей. Знаешь, Кафка сказал однажды: «коитус как наказание за любовь»...

Рина опустила окно и стала судорожно глотать свежий воздух. Потом сказала:

– Мы подъезжаем. Вот и сквер Наоми Шемер, созданный по ее песням – старый платан, скворечник наверху и дети на ветвях.

Они ехали, погруженные в собственные мысли.

– Видите на углу маленький домик? Здесь я живу.

Он остановил машину, и Рина, открыв дверь, несмело протянула руку:

– Страшно вам благодарна. Я не приглашаю вас к себе, потому что там... жуткий балаган.

– А не угостишь ли меня стаканом воды? Очень пить хочется.

– Воды? – растерянно повторила Рина, словно тот просил о чем-то совершенно невыносимом.

Первые сполохи зари скользнули по ее лицу, и это как бы придало ей решимости:

– Ну, что же, вы были так добры ко мне... Прошу...

Илья направился за ней к двери, тонущей в густых зарослях плюща. Они вошли в крохотную кухню, и Рина налила в стакан воду, почему-то заслоняя спиной вход в комнату. Любопытствуя, он все же смог мельком заглянуть внутрь и поразился: стены там были обиты какими-то одеялами, кусками поролона, тряпками.

– Не удивляйтесь! – смущенно объяснила хозяйка. – Это все, чтобы спастись от шума самолетов.

«Да она сумасшедшая!» – мелькнула мысль.

Рина усмехнулась, словно поняв его подозрения, а Илья сказал:

– Я не слышу ни одного лишнего звука!

– Будет, будет! – пророчески возвестила она и глянула на ручные часы. – Скоро! Вы не верите?

Илья засмеялся, и тогда откуда-то издали донесся низкий грозный рокот.

– Вот-вот! – голос ее внезапно охрип. – Они уже продувают моторы!

Рина стала метаться, закрывая окна и ставни. Тут что-то взревело вдали, и она закричала в панике:

– Это он, Аэробус, самый страшный из них! – она лихорадочно рылась в ящике комода. – Где мои пробки для ушей?... Вот они... Но это не поможет, когда он взлетит...

Стены начали дрожать, и Илья инстинктивно отступил к двери.

– Нет, не оставляйте меня здесь! – девушка удерживала его дрожащими руками.

Они вместе выбежали из дома, но там рев самолета был еще страшнее.

Непослушными пальцами Илья включил зажигание и рванул вперед, быстрее, быстрее, торопила его Рина, теперь вы поняли, что я не сумасшедшая, эти огромные крылья скоро закроют солнце от прохожих, от мечущихся с воем собак и детей в сквере Наоми Шемер.

Потом шум в небе стал удаляться, она затихла надолго, лежа сзади, и только когда они, наконец, остановились, Рина, пораженная, выглянула из окна. Отсюда, с холма, казалось, что там, внизу, прямо из окутанного утренним туманом моря подымались изъеденные веками здания, а рядом – одинокие, сиротливо маячившие колонны и обезглавленная статуя римского патриция...

Царица Береника

– Так мы в Кейсарии! – радостно воскликнула она, – Я уже забыла, как здесь красиво и главное – тихо! Илья поздоровался со стоящим у ворот Муссой, худым и черным, как дьявол.

– Хозяин уже встал?

– Давно! – ответил тот, сверкнув белозубой улыбкой, которая скорее предназначалась гостю.

– Какой страшный! – тихо заметила Рина.

– Внешность обманчива, – возразил Илья. – На самом деле Мусса добрый и отзывчивый человек.

Его покорила усмешка Рины:

– В прошлом году он вытащил девочку из горящей машины. Я дал ему слово не рассказывать об этом, но твой цинизм...

– А почему нужно держать это в секрете?

– Понимаешь, если те, кто виноват в этом, видели Муссу, ему несдобровать. А ведь у него тоже маленькая дочка.

Они обошли высокое здание в капризном стиле арт-нуво, мимо белых скульптур, стоящих вокруг – туда, где среди мощных сосен был странный провал.

– Ты, наверное, хотела спросить о моей работе? Сейчас узнаешь.

Он потянул ее вниз по свежесчищенным ступеням к обломку старой стены:

– Осторожно, здесь очень скользко.

– Я тоже должна спуститься? – жалобно спросила Рина.

– Да! Иначе ты ничего не поймешь. Ну вот, мы у цели.

Илья протер рукавом рубахи поверхность стены, и Рина ахнула.

Перед ней возникло лицо женщины поразительной прелести, созданное из крошечных цветных осколков какого-то яркого, не поддавшегося времени материала.

– Тут хотели вырыть бассейн, – счастливо объяснял Илья, – но земля после сильных дождей обрушилась и открыла древнее, очевидно, римское строение.

– Действительно римское? – услышали они сверху гулкий бас Шломо, хозяина.

– Надеюсь, – откликнулся Илья.

Тот, пытаясь, стал спускаться к ним:

– Элоким адирим! Неужели это сохранялось две тысячи лет? Но кто это?

– Терпение. Вчера было пасмурно, я еле разглядел стершуюся надпись. А сегодня солнце проникает даже сюда.

Илья открыл айфон:

– Ну-ка, ну-ка... латинские буквы... Би... Ар... Ай... – он искал в Интернете. – Не верю своим глазам, – его тело, обмякнув, бессильно опустилось на кучу щебня, – что означает... BERENICA REGINA IUDAORUM... Черт возьми, это иудейская царица!

Все молчали, пораженные необычайной новостью.

– Очень красиво! – наконец, с чувством сказал Шломо.

Но он был старый еврей, и его восхищение быстро сменилось трезвой мыслью:

– Как вы думаете, сколько это может стоить?

– О чем вы говорите! Если это подлинник, ему цены нет!

– Конечно, конечно, – Шломо придерживал кипу, норовившую сползти с его седых волос на круглую мясистую физиономию. – Я ничего не собираюсь скрывать от властей... Однако мне полагается какая-то сумма?

Рина улыбалась:

– А мне, как присутствующей при историческом открытии?

– И обо мне не забывайте! – послышался сверху смех Муссы.

– Кстати, – сказал Илья, – познакомьтесь с Риной, моей весьма оригинальной приятельницей!

– Очень приятно, – поклонился хозяин.

Илья посерьёзнул:

– Но прежде, чем делить шкуру, – будем считать, уже убитого медведя – нужно определить и по возможности исправить все, что испорчено в портрете царицы, особенно глаза. Я вчера покопался вокруг в надежде найти какие-нибудь фрагменты мозаики, но они, как видно, превратились в пыль. Надо расширить поиск. Так что оставьте меня пока одного! А вы, Шломо, тем временем можете напоить нашу гостью чаем.

– С удовольствием, – ответил тот...

Через час Илья тоже поднялся в дом. Рина, уже чувствуя себя чуть ли не хозяйкой, налила ему чай, пододвинула вазочку с печеньем.

– Ничего существенного, – грустно заявил он. – Но есть идея... Можно предположить, что портрет Береники – только часть широкого орнамента, который начинается у моря, где уже раскопано многое, и идет сюда. Там, в Кейсарии, вокруг известной всем мозаики могут сохраняться осколки, нужные нам.

– Ты гений! – обрадовался Шломо.

– Но гений ничего не может сделать без простых смертных. Мне нужен Мусса.

Шломо крикнул в окно:

– Абуя!

Араб, обычно проворный и отзывчивый, не откликнулся. Покрыв голову куфией и стоя на коленях, он отбивал поклоны своему истинному хозяину.

Потом его тощая фигура возникла на пороге:

– Звали?

– Послушай, – обратился к нему Илья, – ты когда-то работал на раскопках в Кейсарии?

Тот, как всегда, сиял улыбкой:

– Верно.

– Остались ли у тебя знакомые?

– Может быть.

– Понимаешь, нужно попытаться принести оттуда осколки мозаики, если они есть. Мне особенно нужны кусочки перламутра. Ты знаешь, что это такое?

Мусса кивнул.

– Иначе я не смогу исправить глаза... – он переглянулся со Шломо, не уверенный, стоит ли пока открывать имя царицы. Но их бесхитростный собеседник, не понимая этих ашкеназийских сомнений, добавил:

– Вареники!

Всех троих белых охватил смех:

– Да, да!

Араб колебался:

– А меня не схватят охранники?

– Ты израильский гражданин, – настаивал Шломо, – зачем им тебя хватать? К тому же, нам требуется совсем немного, и за это небольшое я хорошо заплачу.

Выпуклые оливковые глаза Муссы выражали неуверенность. Потом все-таки сказал:

– Иншалла!

И исчез.

– А я бы и впрямь не отказалась от пары жирных вареников в сметане, – мечтательно протянула Рина.

– Намек понят, – откликнулся хозяин.

Он провел гостей в широкую, сияющую белизной кухню, открыл холодильник.

– Жена с дочерью уехала к родным в Цфат и, надеюсь, позаботилась о том, чтобы я пока не умер с голоду.

На столе появился румяный пышный пирог с грибами и алыми брызгами граната, икра, копченый лосось и кофе в изящной банке, тонкий аромат которого располагал к дружеской беседе.

– Видно, что вы не аскет, – заметила Рина.

Шломо улыбался:

– Что же, я еврей, и ничто еврейское мне не чуждо.

– А Тора не осуждает чревоугодие?

– Я принадлежу к той части верующих, которые не чуждаются всевозможных мирских благ.

– Смотрите телевизор?

– Да. И часто убеждаюсь, что светские ученые ломаются в дверь, открытую нами давно. Например, вчера был фильм о знаменитом Стивене Хокинге, всю жизнь искавшего единую формулу для всего сущего. Но не нашел. А верующие давно поняли, что это такое.

– И что? – поинтересовался Илья.

– Бог! – Шломо победно смотрел на своих гостей, как учитель на неразумных учеников. – Разве есть нечто другое, в чем сходятся все человеческие устремления?

Те молчали.

– Впрочем, были атеисты, хотя и немногие, которые понимали это.

– И кто именно? – спросил Илья.

– Не буду говорить о прошлых веках, а в наше время – Черчилль, Фейхтвангер.

– Кстати, – сказал Илья, – я знаю, что у вас большая библиотека. А есть ли там «Иудейская война?» Хочется вспомнить, как писатель говорит о Беренике.

– Я тоже хочу узнать это, – поддержала его Рина.

– Не могу сказать точно, вся вилла – дом, скульптуры, картины – досталась мне оптом от прежнего владельца, бывшего москвича, который спешил продать свое имущество, наверное, скрываясь от налогов. А книг здесь много, и большинство, как я понимаю, на русском. Как у вас с этим языком?

– Я – москвич!

– А я родилась в Кишиневе и ходила там в русскую школу.

Тут заиграл айфон. Шломо махнул гостям:

– Библиотека налево, за гостиной.

Они прошли через зал, где важно стояли шкафы и диваны из красного дерева.

– Ах! – воскликнула Рина, присев у изящного столика, который, казалось, еле держался на тонких, гнутых ножках. Примеривая на себя какие-то блестящие безделушки, она рассматривала свое лицо в туманном овале зеркала.

– Нас учили презирать всех этих богачей, аристократов, королей. Но это обман! Теперь, увидев подлинную Беренику, я поняла, что она принадлежала к особой породе людей. Эта насмешка в ее взгляде, надменно сжатые губы – не маска, это ее сущность. А изящный изгиб шеи – вот чего мне не достает в своем появлении перед публикой.

Рина стала нагибать голову так и сяк, и голос её был полон горечи и досады, когда она признала:

– Нет, я плебейка!

– Пойдем! – Илья нетерпеливо потянул ее в библиотеку. – Узнаем, кем была на самом деле твоя царица.

Он проводил пальцами по длинным рядам книг:

– Так-так... Тут действительно почти все на русском. А вот и наш дорогой Фейхтвангер. Ну, садись и слушай.

Он полистал несколько страниц:

«...Тит любовался портретом Береники. Жутко живой, как и все работы Фабулла, стоит он в его кабинете. Часто смотрит он в удлинённые, золотисто-карие глаза этой женщины. А живая Береника была мягка, не упрекала ни в чем, в ней сквозило что-то девичье. Тит рассказывал ей непринужденно обо всем. Властным и все же нежным движением обхватил он Беренику обеими руками. Она скользнула в его объятия, а он не договорил начатой фразы, и они опустились на ложе...»

Тут вошел Шломо:

– Мусса вернулся. Он встретил двух своих бывших приятелей, те обещали порыться в раскопках и принести, если найдут что-нибудь.

– Будем ждать, – сказал Илья.

– Да. А вы, друзья, можете пока здесь отдохнуть.

– Спасибо, – кивнула Рина, и когда тот вышел, попросила Илью читать дальше.

«...Береника долго лежала неподвижно, закрыв глаза, улыбаясь. Тит прижимал к ее груди свое широкое, крестьянское лицо, ставшее теперь свежим и юношеским, зарывался в ее тело.

– Я знаю, – говорил он, смягчая свой суровый голос командующего, – ты приехала не из-за меня, но я хочу верить, что это так. Сладостная, великолепная, любимая, ты, вероятно, приехала из-за своего храма. Благословен будь твой храм, раз ты приехала из-за него. Ты должна взойти по его ступеням своей походкой, которая наполняет меня блаженством, а за тобой должен висеть твой храм.

Береника впивала его слова, как вино. Затем произнесла тихо:

– Муж, воин, дитя, Яники...»

Рина сказала дрожащим голосом:

– Вот какие слова говорили когда-то влюбленные...

Потом они смотрели по телевизору фильм, полный выстрелов и криков, и не сразу услышали шум, идущий из окна. Оба выбежали в сад и направились к высоким соснам, за которыми мерцал огонек и слышалось странное жужжание.

– Что это может быть? – встревожено спрашивала Рина, и с верхнего этажа сонный голос хозяина вторил:

– Что случилось?

Не дождавшись ответа, Шломо спустился к главному входу и, ошарашенный, увидел, что ворота открыты, а Мусса лежит на земле, связанный и, похоже, избитый. И все же тот нашел в себе силы прохрипеть:

– Босс, включите сирену!..

Еще ничего не понимая, хозяин шарил по металлическому щитку:

– Где это?

– Русский знает, – пробормотал Мусса, но Илья был уже в другом конце аллеи, с трудом поспевая за Риной, чья тонкая фигура внезапно исчезла в обрыве, и когда он остановился у его края, перед ним возникла фантастическая картина: там, в глубине фонарь освещал двух черных людей, один из которых душил Рину мощными ладонями, другой отделял чем-то острым римскую мозаику от стены.

– Прекратите! – закричал Илья и прыгнул сверху на душителя. Второй, низкорослый, кинулся к нему, сдал голову, рванув косичку с такой силой, словно снимал скальп. Тут воздух разорвал дикий вой сирены, и оба грабителя пропали в сумраке ночи, оставив Рину в руках Илья. И вдруг нарушенная мозаика стала сама ломаться и падать, а потрясенной Рине казалось, что ее лоб, щеки и шею покрывают цветные осколки прекрасного надменного лица...

Потом над ней склонился полицейский:

– Как ваше имя, милая?

Она, еще не совсем очнувшись, прошептала первое, что возникло в ее затуманенном мозгу:

– Береника...

Маскарад

Там, во сне, больном и тяжком, какие-то безобразные существа душили ее раскаленным обручем, и Рина напрягала все силы, чтобы сорвать его с себя.

– Нет, нет, нельзя! – вернула ее к действительности сестра, полная женщина в белом халате. – У тебя два шейных позвонка вдавлены друг в друга, а этот гипсовый воротник должен корректировать твои движения. Мне очень жаль, что ты так страдаешь. Мое имя Бат-Шева, чуть что – зови меня. Кстати, – она повернулась к Илье, – ты должна благодарить своего приятеля: если бы он замешкался немного, бандит мог сломать тебе шею.

– Спасибо, – бледно улыбнулась та Илье, стоящему поодаль.

– А долго ей придется быть здесь? – спросил он.

– Что ж, недельку придется потерпеть, – сестра, собрав свои бумаги, подбодрила больную. – Но и тут неплохо. Смотри, какой сад перед глазами! Тебе повезло – корпус новый, еще даже не успели поставить решетки на окна.

Выходя, она махнула ей рукой:

– Теперь наслаждайся и выздоравливай!

Рина поманила Илью к себе, и тот присел на край постели:

– Так ты мой спаситель!

– Ну, – возразил он, – сирену запустил Шломо, она и спугнула мерзавцев.

– Их поймали?

– Поймали и будут судить.

Рина провела пальцем по шраму на его щеке:

– А кроме этого, что ты еще вынес из боя?

Он усмехнулся:

– Пару царапин. В милуим мне за это и благодарность бы не вынесли.

Внезапно ее лицо дрогнуло в испуге:

– Что это? Неужели я еще сплю?

Но это происходило наяву.

В дверях стояли двое – женщина, еще молодая, с какими-то красными волосами и мужчина постарше, физиономия которого была морщиниста и безвольна.

– Доченька! – кричали оба, целуя Рину, а та отбивалась слабыми руками:

– Почему вы здесь?

– Кто-то позвонил нам в театр и сообщил, что ты очень плоха.

– Это я, – признался Илье.

– Зачем ты это сделал? – голос Рины прерывался от непонятной ему досады.

– Как же, как же! – почти пела мать. – Мы должны знать все, правда, Гена?

Муж поинтересовался:

– А что случилось?

Илье, которому передалась странная сдержанность Риной, коротко рассказал о происшедшем.

– Господи! – мать пыталась заплакать, но безуспешно, и потом:

– А кто смотрит за домом?

Отец вмешался:

– Ладно, Соня, – и поправился, – Софья, это сейчас неважно!

Та кинула на него острый взгляд, и Илье подумал, что это, наверное, и есть важное.

– Ах, – мать глянула на часы, – нужно позвонить главрежу театра «Гешер». Он обещал нам одишн!

И выпорхнула из палаты.

Илья спросил, чтобы как-то замять паузу:

– Вы оба актеры?

Гена улыбнулся:

– Да, но сейчас в Молдове с этим тяжело. Нет русскоязычной публики, значит, нет в театре сборов. Поэтому, кто может, уезжает. Наш герой-любовник уже играет в Одессе. Главный осветитель устроился на московском телевидении, а это был большой мастер своего дела, хоть и пьяница.

Тут вбежала Софья, красные волосы которой победно вздымались:

– Нам назначили один! Я сказала, что мы сыграем сцену из «Маскарада». Нужно поспешить – это через два часа.

– Как? – встревожился супруг. – Без репетиции?

– Ну что же делать? У них гастроли киевского театра – заняты все помещения.

– Но я не могу так! Ты же знаешь, что мне нужно вспомнить текст, особенно такой трудный, как у Арбенина.

– Знаю, знаю, – недобро подтвердила та и задумалась. Цвет ее широко раскрытых карих глаз медленно переходил в янтарный, но на этом сходство матери и дочери кончалось. – А что, Риночка, как ты считаешь... можем мы порепетировать... в саду? Там никого нет!

Софья загорелась этой идеей, и ей уже не нужно было мнение дочери:

– Пойдем, пойдем, Гена!

Оба исчезли.

Потом Илья сказал удивленно:

– Господи, они уже в саду!

– Конечно, – протянула Рина. – Если моя мать решила что-то, ее не остановишь!

– Я открою окно, – сказал Илья, и палату наполнил мягкий страдающий голос Софьи, совершенно не похожий на тот, что они слышали до сих пор:

– Мой милый, я с тобой поговорить хотела!..

Ты изменился с некоторых пор.

Уж прежних ласк я от тебя не вижу.

Отрывист голос твой и холоден твой взор.

И все за маскарад – о, я их ненавижу,

Я заклалась в них не ездить никогда!..

– Ну, Гена, продолжай!

– Сейчас, Соня...

– Я – Соня только для моей идише мамэ в Балте!

– Ладно...

Арбенин:

– Обдумать все заранее надо было!

Нина:

*– О, если бы я нрав заранее знала твой,
То, верно, не была б твоей женой;*

Арбенин:

– И то: к чему тебе моя любовь!..

Не знаю, Софья, как лучше произнести это... – Вспомни, как ты объяснялся в любви, добиваясь моей взаимности! Говори так: покуда в сердце...

Арбенин:

*– Покуда в сердце быстро льется кровь,
Всё в мире нам и радость и отрада.
Пройдут года желаний и страстей,
И все вокруг темней, темней!
Что жизнь? Давно известная шарада
Для упражнения детей;
Где первое – рожденье! где второе —
Унылый ряд забот и муки тайных ран,
Где смерть – последнее, а целое – обман!*

– Знаешь, – тихо проговорил Илья, – там, на лужайке уже собираются люди, чтобы слушать твоих родителей. Значит, они по-настоящему талантливы!

– В этом вся ирония! – вздохнула Рина. – Сцена заставляет актеров постоянно поддерживать свой талант, а если они женаты, то это продолжается и в собственной семье, как у нас...

Нина:

– Евгений, тут, в сердце, что-то жжёт.

Арбенин:

*– Пройдет! пустое!
Молчи и слушай: жизнь как бал —
Кружишься – весело, кругом все светло, ясно...
Вернулся лишь домой, наряд измятый снял —
И все забыл, и только что устал.
Но в юных летах лучше с ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
С ее бездушной пустотой.*

– В сущности, – сказала Рина, – эта пьеса и о том, что происходит между моими родителями с точностью до наоборот. Моя мать – властная, непримиримая натура, она – враг всех своих коллег. Как-то у нее появилась соперница, молодая и талантливая, которая в будущем могла стать ведущей актрисой, если бы моя родительница правдами и неправдами не выкурила ее из театра.

Нина:

– О, ты меня не любишь!

Арбенин:

*– И ты, ты смеешь требовать любви!
А мало я любил тебя, скажи?
А этой нежности ты знала ль цену?
А много ли хотел я от любви твоей —
Улыбку нежную, приветный взгляд очей,
И что ж нашел: коварство и измену!*

– Что ж, надо отдать должное твоему отцу: он очень убедителен!

– Да, в роли Арбенина он весь – жестокость и мстительность, а дома ему приходится помалкивать, даже когда мама возвращается домой в полночь, якобы задержавшись на репетиции, хотя всем известно, что она проводит время с министром...

Нина:

– Каким-нибудь клеветником ты был обманут.

Арбенин:

– Да, я был обманут!

Плачь! плачь – но что такое, Нина,

Что слезы женские? вода!

Я ж плакал! я, мужчина!

От злости, ревности, мученья и стыда

Я плакал – да!

А ты не знаешь, что такое значит,

Когда мужчина плачет!

О! в этот миг к нему не подходи:

Смерть у него в руках – и ад в его груди!

– И вот результат ночных походов моей матери: папа, еще не старый мужчина, стал добиваться милостей у девиц из массовки и потом, после скандала, начал приставать ко мне, а я удрала сюда, к бабке Рае...

Нина:

Не верю, невозможно – нет, ты надо мною

Смеешься... ты не изверг... нет! в душе твоей

Есть искра доброты...

Спаси меня, рассея мой страх... Взгляни сюда...

О! смерть в твоих глазах!

– Признаюсь тебе, – горестно произнесла Рина, – часто во время их ссор я, озлобившись, думаю, что они генетически не совместимы, и это – причина моих странностей...

Арбенин:

– Да, ты умрешь – и я останусь

Один, один... года пройдут,

Умру – и буду все один!

– Нина:

– Прощай, Евгений!

Арбенин:

– Нет, нет – не говори, тебе уж не поможет

Ни ложь, ни хитрость... говори скорей:

Я был обманут? Так шутить не может

Сам ад любовь мою!

Нина:

– Теперь мне все равно... я все ж невинна перед богом

И умираю...

– Боже мой! – пробормотал Илья, когда зрители, до сих пор молча сидевшие на траве и следившие за каждым жестом и словом актеров, поднялись на ноги, благодарно крича и хлопая, особенно Софье, которая на их глазах умерла и вновь вернулась к жизни, а она принимала все это так, словно стояла на широкой сцене, облаканная аплодисментами множества людей, и лицо ее, обрамленное красными всполохами волос, впитывало это как воздух, а яркие губы в

то же время шептали мужу ядовито-презрительные слова: ты опять в конце ошибся, жалкий актеришка!

Захлопнув окно, Рина пошла к постели, бормоча:

– Ненавижу, ненавижу!

Не только ее бледное лицо, но и все худое тело дрожало от отвращения.

Сестра, вызванная Ильей – все та же Бат-Шева – дала ей таблетку валиума, потом еще одну и сидела рядом, пока Рина не пришла в себя.

– Кстати, – рука сестры вынула из коробки шприц, зловеще блеснувший на солнце, – тебе предписаны уколы от воспаления в позвоночнике.

– Что это?

– Кортизон.

– Нет, – снова заволновалась Рина, – мне кортизон противопоказан!

– Ну, твой лечащий хирург знает лучше.

Рина пролепетала:

– У меня от него однажды случился аллергический шок!

Бат-Шева, продолжая свое дело, закатала рукав пациентки.

– Оставьте ее в покое! – возмущенный Илья схватил руку со шприцем, и тот со звоном упал на пол.

– Я буду жаловаться главврачу! – закричала Бат-Шева и, негодуя, выбежала из палаты.

Наступила тишина.

– Наконец-то можно расслабиться, – медленно успокаиваясь, проговорила Рина. – Сядь здесь, возле меня. Дай-ка я поправлю твою косичку, она совсем распустилась в этой стычке с бандитами. Ты спас меня, правда? Там... и сейчас... Ты всегда рядом, готов помочь, пожертвовать собой. Таким, говорят, был Иисус, евреи зовут его Ешу – Спаситель... Подумать только, несколько дней назад мы были совсем чужие, а теперь... мне трудно думать о себе без тебя... Знаешь, меня поразила эта любовная история у Фейхтвангера, мне даже снится, что я – царица Иудеи... Странно, есть слова, которые кто-то сказал в другом времени, но они возникают как свои. И если бы я решилась открыть тебе то, что я чувствую, я сказала бы это, как Береника Титу.

Слезы блеснули в ее глазах, когда она притянула Илью к себе, шепча:

– Муж... воин... Яники...

И то, что кинуло Рину и Илью друг к другу, не было наказанием за любовь...

Мираж

Они поднялись на двенадцатый этаж, Илья постучал и услышал громкое: – Войдите! Открыв дверь, они увидели грузного человека, сидящего в инвалидном кресле у открытого окна.

– Мы к господину Лотану.

Тот нехотя оторвал взгляд от простиравшегося перед ним голубого неба:

– С жалобой? Прямое попадание! Вы видите на моей физии следы множества попаданий.

Действительно, его лицо было изрыто шрамами и вмятинами. Внезапно каким-то точным геометричным движением Лотан сделал полукруг и уселся за стол.

– Не удивляйтесь! Это высший пилотаж, – чуть ли не с гордостью заметил он. – Специальный курс для безногих летчиков. Садитесь, – и спросил тоном врача. – Итак, на что мы жалуемся?

Илья протянул ему конверт с письмом, тот открыл, прочитал.

– Ну что ж, будет передано по инстанции. Но не ожидайте многого. Думаете, из-за нескольких, пусть очень страдающих людей, изменят маршрут огромного лайнера?

Рина подняла голос:

– Речь идет о страшном шуме, который мешает всем живущим в округе!

Их собеседник усмехнулся:

– И это об Аэробусе А-300, где учтены все удобства для пассажиров! Значит, вы не слышали настоящего шума. А я летал еще на старых «Ураганах» и погибал от жуткой жары и грохота моторов. Помню, Шимон, наш инструктор, после пробного полета сказал курсантам: – Ну, бней зонот, замечания есть? Только не говорите мне о шуме двигателей. Открою вам небольшой секрет: без них летать нельзя! Решить это проблему можно только так: не замечать ее! Поверьте старому обстрелянному волку, на десятом вылете, если вы только доживете до этого, вас будет беспокоить только одно – как выполнить боевое задание. Поняли, има шелахем?

Лотан грустно улыбался, вспоминая прошлое.

– И что вы думаете, дети, вскоре шум моторов перестал мешать мне. Наоборот, прислушиваясь к ним, я узнавал, достаточно ли в них масла и воды, поддерживается ли нужная температура и готова ли машина ринуться вперед и атаковать.

Вскоре мы получили новые машины – двухместные «Миражи», но чтобы летать на них, нужно было пройти сложный курс, где инструктор вбивал в наши головы такие понятия, как хорда профиля, угол атаки и удобообтекаемое тело – тут летчики не могли удержаться от смеха.

Эти термины казались нам ненужными, я понял их важность только в бою над Абу-Суэр, когда мне впервые удалось сбить египетский «Миг» – не без помощи Шимона, летящего со мной.

Я кричал от радости, а впереди вдруг появилось еще одно вражеское звено, окружившее нас, и я, сознаюсь со стыдом, решил повернуть назад и тогда услышал в наушниках бас Шимона: не отступать! никогда не отступать! – Я ринулся им на встречу, выпустив самонаводящуюся «Матру». Один из них, задымившись, пошел к земле, а другой стал бить из бортовых пушек и разорвал нашу кабину. Огонь, опалив нас, устремился к топливным бакам и дальше – мелькнуло в мозгу – нам конец.

– Немедленно оставить борт! – закричал инструктор. – Это приказ, има шелха!

Катапульта выбросила меня с такой силой, что в голове все помутилось. Потом понял, что я в воздухе, под парашютом, но Шимона рядом не было, его не было, има шело! а там, внизу я увидел его падающую фигуру, охваченную пламенем, и в моей затуманенной памяти всплыли слова «удобооттекаемое тело», но сейчас я не смеялся, а плакал...

Лотан помолчал, тяжело дыша. Потом:

– Простите, что я взваливаю это на вас. Сидишь здесь день деньской и слушаешь жалобы на потерянный чемодан или зонтик.

– Нет-нет, продолжайте! – подбодрил его Илья, – Дальше что?

– Ну, меня подобрал «Сикорский» и доставил в госпиталь, где мне отняли... уже ненужные... ноги. Я был в отчаянии, думал покончить с собой. Безногий летчик – кому он нужен? Да Лиора, жена, такая же беленькая, как ты, дочка, заставила жить. И вот, на инвалидном кресле я закончил Технион, теперь пишу докторскую – так мне послужил наказ Шимона: «Не отступать!..»

Провожая гостей, он на высоких колесах, будто на крыльях, пролетел к двери, дружески кивнул Илье и подал Рине тяжелую руку с темными следами ожогов. Растроганная, она припала к ней горячими губами...

Алла свидетель

Белое здание суда с высокими узкими, как бойницы окнами, напоминало крепость, стоящую на страже закона и справедливости. Пораженный этой красотой и силой, Илья обходил его со всех сторон, и конечно, опоздал к началу. Когда он появился в зале, Шломо давал показания:

– Мусса всегда добросовестно исполнял свои обязанности, помогал по хозяйству, сторожил имение от воров. А в тот вечер я увидел его лежащим на земле, связанным и избитым. Он прохрипел еле слышно: босс, включите сирену!

– Ваша честь, – вмешался обвинитель, – двое остальных подсудимых утверждают обратное!

Те, сидя рядом с Муссой, но стараясь держаться от него подальше, усердно кивали черными головами.

– По их словам была договоренность, что после того, как сторож откроет ворота, его свяжут и даже побьют, чтобы отвести подозрение в соучастии.

Мусса, измученный и растерянный, воскликнул:

– Алла свидетель, я хотел защитить хозяина и Варенику!

В зале кто-то сказал по-русски: «Ну и потеха» и засмеялся. Судья, высокий, седой, вопросительно глянул на защитника.

– Что это значит?

– Ваша честь, подсудимый имеет в виду портрет царицы Береники, найденный в раскопках.

Тот прятал улыбку в серых усах:

– Подсудимый Абу-Захария, есть у вас свидетель поближе к нашей грешной земле?

Мусса поднял руки к небу и проговорил что-то невнятное.

Защитник:

– Я немного знаю арабский. Он спросил: А этого недостаточно?

По рядам присутствующих прошел легкий шорох, и Илья подумал, что сейчас столкнулись два разных мира, не понимая друг друга.

Нужно было что-то делать...

Он встал и произнес громко:

– Я могу сообщить кое-что важное, ваша честь!

Судья, пошептавшись с обвинителем и защитником, кивнул служащему.

– Подойдите, – сказал тот, – ваше имя? Теперь примите присягу.

Затем Илья поднялся на трибуну, откашлялся:

– В прошлом году, на Песах я подвозил Муссу домой, в его деревню возле Калькилии. Впереди нас шла «Мазда» с израильским номером, которая резко остановилась от внезапных выстрелов. Я нажал на тормоз, а Мусса выскочил на шоссе и побежал туда.

Глаза Ильи старались не встречаться с печальным взглядом Муссы, которому обещал никогда не говорить об этом. Но иной возможности спасти его от тюрьмы не было.

– Как потом он рассказал мне, в кабине был убитый мужчина и маленькая кричащая девочка. Мусса схватил ее и поспешил навстречу приближающейся полиции, и тут «Мазду» охватил огонь...

В зале наступила напряженная тишина, которую нарушил голос судьи:

– Подсудимый, вы подтверждаете это?

Тот кивал головой, улыбаясь и плача одновременно.

– Что ж, на основе открывшихся данных я снимаю с вас обвинение. Вы свободны! Рассмотрение дела двух других подсудимых будет продолжено завтра!

Сухая судейская рука с удовольствием ударила молотком по столу.

Публика, очень довольная, двинулась к выходу.

– Вареники-Лавреники! – снова послышался тот же смешливый голос.

Шломо с Ильей направились к Муссе, однако он был занят: бил благодарственные поклоны своему главному свидетелю и вдруг кинулся к ним, хотел целовать руки, но, остановленный, клялся, что всегда будет их должником.

Мусса

А на вилле все шло своим чередом, хотя уже под эгидой специальной комиссии, решившей восстановить портрет Береники в металлической раме и перенести в музей Кейсарии.

Естественно, это поручили Илье, который взялся за дело со свойственным ему упорством и талантом.

Но так только казалось.

После всего пережитого он уже не был, как прежде, полностью сосредоточен на мозаике двухтысячелетней давности, и часто его мысль ускользала домой, к компьютеру, к чертежам боевых ракет.

Идея была такая: разрушить часть посадочной полосы, отведенной Аэробусу, и тогда, можно надеяться, эту сверхдорогую машину отведут в менее опасное место.

Главное – все должно быть сделано, когда лайнер будет в полете, что исключит человеческие жертвы и прекратит страдания Рины, которая вынуждена убегать от грохота моторов к нему, в Тель-Авив, или к своим подругам.

Конечно, краем своего измученного мозга Ильи понимал все безумие задуманного, но сидеть сложа руки, зная, что девушка в это время испытывает тяжкие страдания – тоже не способствовало его душевному равновесию...

Так думал и чувствовал Илья, всматриваясь воспаленными глазами в прекрасное и проклятое лицо иудейской царицы, заменяя поврежденные ночными ворами фрагменты новыми, которые он доставал из большой картонной коробки.

– Откуда это, босс? – любопытствовал проходящий мимо Мусса.

– Музей заказал в Венеции на фабрике Мурано, но и здесь нет того, что мне нужно. Например, для глаз Береники необходим перламутр особого оттенка, а я не нахожу его.

Мусса порылся в цветных осколках, и его голый череп отразил исходящие от них светлые блики:

– Стоит поискать на черном рынке.

– На черном рынке? И что там можно достать?

– Все! – усмехнулся араб. – Но не даром.

Илья кинул на него внимательный взгляд. С некоторых пор все слышанное и виденное им вокруг имело значение только, если касалось его тайны. Он спросил как бы невзначай:

– А... боевую ракету?

И сразу же пожалел об этом.

Тот испугался:

– Зачем тебе, босс? Взорвать что-нибудь?

Илья натянуто засмеялся:

– Ну что ты! Так просто...

– Нет, не просто! Опасно!

Его губы дрожали:

– Босс, ты хороший человек, спас меня на суде. Потому расскажу тебе... Мой отец... был гашаш... помогал солдатам находить тайники с оружием. И его убили!..

– Почему? – поразился Илья.

– Деревня наша такая. Кто за, кто против. А у меня жена, ты ее видел со мной на рынке. Красавица! И маленькая дочка... Мне нельзя тебе помогать. Прости!

Но Илья, зашедший уже так далеко, не мог отступить. Чувствуя себя мерзавцем, проговорил тихо:

– А там, в суде... Ты клялся аллахом, что будешь навсегда нашим должником!

Мусса с укором глянул на него и пошел прочь, не сказав больше ни слова.

Он и потом старался не попадаться на глаза Илье, пока тот, как делал иногда, не предложил подвезти его домой. Но обычно словоохотливый Мусса всю дорогу помалкивал и вяло отвечал на вопросы, и только когда они подъезжали к его деревне, спросил:

– Можешь остановиться? Десять минут, хорошо?

Выйдя, он углубился в негустую рощу молодых сосен. Илья терпеливо ждал. Наконец, тот появился, неся какой-то большой сверток, испачканный землей и, попросив открыть багажник, сунул его туда.

– Это тебе, босс. Осталось от отца, – он помолчал. – Тоже не был святой, оставил себе на черный день. – Потом добавил глухо. – У нас завтра праздник. Нельзя в храм, если поклялся и не сделал...

Потом махнул рукой:

– Я пешком. Тут близко.

Он медленно пошел вперед, и вдруг, остановившись, оглянулся, словно не хотел идти дальше. Илья быстро опустил окно, но черная тонкая фигура уже исчезла в густеющем тумане.

Не появился Мусса и завтра, и послезавтра, и Илья, чувствуя какую-то непонятную вину, сказал Шломо, что хочет навестить его.

– Да, – кивнул тот, – здесь накопилось много дел.

Был конец дня, шоссе забито машинами. Стоя в колоссальной пробке, он вспомнил, как был поражен, открыв сверток Муссы, в котором оказалась... ракета! Он впервые увидел такие в Азе, когда его отряд прочесывал развалины, оставленные палестинцами после боя. Малка, его верная овчарка, блестя острыми зелеными глазами, привела отряд в подвал, где был тайник с оружием. Его охранял парень с Калашниковым в руках, и Шауль, сержант, тут же прострелил его голову в черной маске...

Что ж, теперь, с этим неожиданным подарком Муссы то, что задумал Илья, уже не казалось таким фантастическим...

Наконец, движение возобновилось, Илья вскоре свернул с шоссе и поехал по грунтовой дороге.

Вдали показалась деревня. Он становился, подошел к старой деревянной лавке, где сидели двое мужчин, курящие кальян.

– Салям! – поздоровался он. – Не знаете, где живет Мусса Абу-Захария?

Один из них, толстый и бородатый, хмуро глянул на гостя.

– Живет, говоришь? – странным тоном переспросил он на ломаном иврите и, недобро усмехнувшись, ткнул пальцем в небольшой домик напротив.

Илья был на территории мирных, как принято говорить – «наших арабов», но эта усмешка вызывала беспокойство. Он перешел улицу, постучал в массивную дверь, окрашенную по обычаю в голубой цвет. Внутри испуганно заплакал ребенок, и кто-то глянул сквозь оконную занавеску. Внезапно дверь распахнулась с такой силой и шумом, будто взорвалась перед Ильей. На пороге стояла высокая женщина, закутанная во все черное, но лицо ее, красивое, хотя еле видное из-под хиджаба, Илья узнал.

– Уходи к черту, иһуд! – закричала она страшным голосом. – От вас одни несчастья!

– Что вы, что вы? – ошеломленно бормотал Илья, отступая назад.

Тут небо потемнело, полил дождь, в низких тучах бились холодные искры и, может быть, поэтому ему показалось, что в руках женщины сверкнул нож.

Стараясь унять гулко бьющееся сердце, он поплелся к машине. Дорога, никогда не мощенная, сразу превратилась в сплошное месиво и бросала маленький Фиат из стороны в сторону, будто несла Илью туда, куда послала его несчастная вдова.

Обнимитесь миллионы

Эльза обошла музей, устала и неуверенно присела на каменную скамью, которая тоже могла оказаться экспонатом. Впереди, у противоположной стены возились несколько рабочих в темных комбинезонах, очевидно, в поисках места для новой картины. Приглядевшись, Эльза поняла, что это портрет молодой красивой женщины, совершенно необычный, потому что сделан из кусочков керамики и стекла.

Один из рабочих сказал:

– Здесь хорошо, Илья?

Тот отошел в сторону и кивнул:

– Хорошо!

Уловив любопытный взгляд посетительницы, спросил:

– Нравится?

– Очень!

– Вы художница?

– Нет, но я видела немало мозаичных панно, например, в берлинской церкви императора Вильгельма.

Она говорила со странным акцентом, и Илья полюбопытствовал:

– Вы не здешняя?

– Я немка.

Ему почему-то стало неловко и захотелось уйти от этой темы:

– А как вам Береника?

– Так это иудейская царица? Оригинал?

– Надеюсь. Прямо из раскопок.

– Да, – кивнула Эльза. – Эти глаза... Историки пишут, что они поражали своим блеском и умом.

Илья улыбнулся:

– У вас тоже глаза необыкновенные.

Она вздохнула:

– Это единственное, что осталось от моей необыкновенности. Муж назвал их когда-то «лорелейными»

Илья сказал, стараясь не смотреть в ее блеклое, очевидно рано постаревшее лицо в обрамлении седых волос:

– Я заметил, вы здесь давно. Устали?

Она кивнула:

– Сердце... – и отвернувшись, добавила тихо. – Я провела несколько лет в тюрьме штази Хоэншёнхаузен.

Илья заволновался:

– Может быть, помочь вам добраться домой?

– Спасибо, но я жду сына. Мне очень хотелось увидеть здесь новую выставку импрессионистов, а Леон тем временем поехал в консерваторию.

Тут за окном раздался гудок машины.

– Это, наверное, он.

В дверях появился молодой человек, стройный, белолицый, с кудрями рыжих волос.

– Копия отца, – сказала женщина. – Улучшенная.

– Здравствуйтесь! – приветствовал он их широкой улыбкой. – Извиняюсь за опоздание. Мам, сюрприз. У нас висит объявление о том, что здесь, в амфитеатре Кейсарии будут играть

Девятую Бетховена. Мне это очень нужно для дипломной. Я никогда не слышал ее вживую. И дирижер какой – Клаудио Аббадо! Пойдем?

– Леон, ты же знаешь, что я не выношу немецкую музыку.

– Нет, это не немецкая, а всечеловеческая музыка! А?

Она молчала, беспомощно улыбаясь.

– А вы? – обернулся Леон к Илье. – Хотите пойти с нами? В консерватории можно достать билеты со скидкой.

Тот колебался.

– Соглашайтесь! К нам редко приезжают такие знаменитости. Говорят, он болен, нельзя упустить этот шанс.

Илья, уступая, развел руками...

... Когда Леон с матерью появились в амфитеатре, там все уже бурлило от нетерпения публики.

– Я звонил Илье, сообщил, что оставил ему билет в кассе. Жаль, если он опоздает.

Их места были на самом верху, а сзади чувствовалось дыхание беспокойного моря, и это внушало мысль о том, что они на корабле, готовом выйти в далекое плавание.

– Как хорошо! – вздохнула Эльза.

– А мне всегда тревожно, когда я слушаю Бетховена, – признался сын. – Хотел бы я знать, что он чувствовал, когда писал Девятую. Знаешь, он, уже совсем глухой, велел спилить ножки рояля и играл, прижав ухо к полу, чтобы слышать – даже не звуки, а только ритм собственной музыки.

На сцене, сопровождаемый аплодисментами появился дирижер, худой и нервный, раскланялся, взмахнул палочкой. В воздухе возникли легкие, как слабые порывы ветра аккорды, и их корабль поплыл в море звуков, которые то стихали, то появлялись, и после долгих колебаний стали крепнуть в одной светлой мелодии.

– Слышишь, – шептал Леон, – это вторые скрипки и валторны начинают главную тему, ту, что потом будет звучать в финальном хоре.

Эльза кивнула, чувствуя, как волнение сына передается ей самой. Ах, она знала, знала, что не нужно идти на этот концерт, потому что все немецкое вызывало в ней боль и стыд. В ее старинной и старомодной семье не было принято говорить об эпохе «этого варвара, который опозорил Германию», и в мозгу Эльзы хранилось только новое время – суровая берлинская стена, оторвавшая ее от родительского дома в Кобленце, бесконечные традиционные шествия с высоко поднятыми портретами тех, кто был слишком низок, унылые лекции в университете, где наиболее дерзкие студенты осмеливались задавать каверзные вопросы, остающиеся без ответа.

И конечно, среди самых любопытных выделялась Эльза, красивая, дерзкая и глупая – последнее она признала, будучи вызванной в кабинет ректора, который пригрозил ей отчислением.

Эльза смирилась.

Но физически оставаясь в аудиториях университета, она стала искать истину среди множества книг в доме фрау Шлюге, где снимала небольшую комнату. Эти заброшенные, запыленные тома, говорившие противоположное тому, чем их пичкали на лекциях, остались после покойного мужа хозяйки, о ком она вспоминала редко и холодно...

– Посмотри на Аббадо, – восхищенно шептал Леон, прижавшись к матери, – на его руки, тонкие и, как кажется, слабые, но ими он заставляет всех музыкантов, таких разных и обособленных, соединятся в одно целое...

Да, Эльзе тоже было знакомо это чувство общности с людьми, которые видели мир как она. Её университетские друзья собирались у кого-нибудь из своих, чаще у Эльзы, говорили о политике, о необходимости сопротивляться и между прочим просили спрятать кое-что у себя.

Она сносила это в большой подвал под домом, заваленный разнообразной рухлядью, и тут наткнулась на массу подшивок газет, дряхлых и погребенных временем.

Эльза была потрясена, обнаружив там давно исчезнувший довоенный Берлин, сверкающий и бурлящий, с толпой возбужденных людей, тусующихся, как сказали бы теперь, в душистых аллеях Унтер ден Линден, в театрах, ставивших ядовитые пьесы Брехта, на выставках скандальных картин Отто Дикса, в веселых кабаре – полюбоваться прекрасной грудью Марики Рок, будущей любимице Сталина и Гитлера, и на концертах «der wunder Kaгаian», еще мало известного, но холодного, строгого, никогда не глядящего на своих оркестрантов – потом злопыхатели скажут, что ему стыдно за свое вступление в партию нацистов...

Но, боже мой, это происходило в другом, уже не существующем мире! А в эльзином мире все было серо, тревожно, дорого.

И когда объявили об очередном повышении цен, фрау Шлюге сделала то же, чему Эльза, экономившая на всем, вынуждена была воспротивиться. Тогда возмущенная хозяйка обратилась в комендатуру и выложила все, что знала о своей жилищке, включая чтение запрещенных газет и книг, и подозрительные свертки в подвале.

Её жалоба дала немедленный результат: Эльзу не только выдворили из дома, но и позаботились об альтернативе – в тюрьме штази Хоэншёнхаузен.

Полицейский, заводя на нее дело, сказал своему напарнику:

– А, это квартирантка фрау Шлюге! Старуха – настоящая патриотка! Помнишь, она даже собственного мужа не пощадила!

... – Тут начинается скерцо, – тихо говорил Леон, перелистывая ноты. – Оно передает страдание человека через нарастающий ритм скрипок, которых сопровождает тревожное соло литавр...

И в воображении Эльзы возникло то, что, казалось, было навсегда похоронено в самых глубоких закоулках мозга: черные казематы без окон, отопления и вентиляции, где мучили и пытали заключенных, варьируя это во всевозможных комбинациях – «подводная лодка», в которой несчастные все время стояли в воде, «водяные камеры», где их держали под ледяным душем, «резиновая клетка» с мягкими стенами, чтобы доведенные до отчаяния люди не разбивали себе голову.

Но самым большим наказанием было появление начальника тюрьмы Зигфрида фон Коха, и хотя на службе не поощрялось упоминание дворянского звания, оно выдавало себя во всем его облике – безукоризненно облегающий мундир, рассеянный взгляд, как бы не замечающий того, что происходило вокруг, и узкие брезгливые усики.

Два раза в день обходил Кох свои мрачные владения, останавливаясь только у дверей, за которыми слышались крики. Он не выносил этого. Войдя, начальник вкрадчиво выговаривал надзирателю, горилле с волосатыми руками:

– Ты слишком строг к нашим гостям. Ведь в этом корпусе содержатся интеллигенты, можно сказать – наши друзья, сбившиеся с пути. Они, уверен, знают и музыку Моцарта и поэзию Гете, о чем ты понятия не имеешь. Правда, фройнде? – обращался он к Эльзе, чья беспомощность особенно притягивала его внимание. – Например, его прекрасные стихи о Лесном царе, погубившем маленького мальчика:

Ver reiter durch und wind
Der Vater mit seinen Kind...

– Я правильно цитирую, фройнде? – спрашивал он и, заметив страдающий взгляд Эльзы, оскорбился. – Но, может быть, вы больше любите Гейне? – усики фон Коха враждебно топорщились. – Я не могу этого допустить! – и, вырвав, у надзирателя тяжелую плеть, ударил ее по изможденным ногам. – Этот негодяй отравил чистую немецкую поэзию ядом еврейского

цинизма! – страшная плеть хлестала Эльзу по бедрам и груди, еле прикрытым изорванным холстом...

Эльза плакала, не понимая, где она, а её окружала другая действительность и рядом с ней – Леон, сын, который гладил ее дрожащие руки, говоря:

– Мама, я не знал, что ты так чувствительна к классической музыке!

– А почему молчит оркестр? – вытирая влажные глаза, спросила та.

– Это пауза, чтобы хор вышел на сцену. Кстати, вот и наш пропавший знакомый.

Илья, поднявшись к ним, смущенно улыбался:

– Простите! Моя машина всегда портится в неподходящий момент. Спасибо прохожему, который помог мне.

– Что ж, вы успели к самому важному, – сказал Леон, – знаменитому адажио. Здесь на смену печальному прошлому приходит успокоение и светлое раздумье. Легким аккордам струнных вторит эхо духовых инструментов, как бы внушая мысль, что боль и страдание – это горькая, но необходимая цена счастья.

– Да, – кивала Эльза и вспомнила день, когда по мрачным коридорам Хоэншёнхаузена пронесся невероятный слух о падении берлинской стены, а потом – и всего режима.

Растерянные, потрясенные, радостные возвращались зэки домой, а Эльза – в Кобленц, где её ждали счастливые родители. Но их измученная дочь не ощущала себя счастливой. Отдав должное родственным чувствам, она ускользала на природу, к могучему Рейну или сидела подальше от суетливой публики в маленьком кафе.

Вскоре, однако, здесь появился еще один человек, тоже державшийся обособленно-рыжий и носатый, чей недюжинный рост давал ему естественное право смотреть на всех свысока. Презрев условности, он обратился к Эльзе:

– Мы с вами чем-то похожи. Можете объяснить, чем? – сказал он на немецком, смешанном с идиш.

– Пожалуй, – ответила она не очень охотно. – Вы, конечно, еврей и ненавидите все немецкое, а я немка, которой этот народ причинил – как и всему миру – немало зла.

– Что ж, – усмехнулся тот. – Это серьезная причина стать друзьями!

Подсев к ней, он представился:

– Феликс! Приехал сюда на несколько дней по весьма прозаическим гешефтам.

Его бесцеремонность разоружала и, вздохнув, она назвала себя.

Так они нашли друг друга.

Его привлекало все новое, что уже не было интересно Эльзе: огромная статуя Вильгельма Завоевателя, крепость Эренбайт, базилика святого Каспара.

В жаркий день они ставили палатку на берегу Рейна, холодного и невозмутимого, пили вино, и Феликс говорил что-нибудь своё, что было ей непонятно:

– Шейне рейне капурэ...

И Эльза тоже удивляла его:

– Знаешь, я думаю, то, что сделали нацисты с евреями не менее страшно для моего народа, чем для твоего. Это никогда не забудется. Каждый немецкий ребенок, подрастая, обязательно спросит отца: почему? И ответа не будет.

Вечера они проводили в «немецком углу» над широко сливавшимися Рейном и Мозелем, заказывали ароматный глинтвейн, о котором Феликс громко спрашивал, кошерный ли он, и с удовольствием замечал:

– Смотри, там, за тем столиком – мои соотечественники. Кажется, что их не стало меньше после Гитлера! У нас есть песня, где человек сравнивается с деревом. Тогда евреи – это секвойи, пожар не губит их, а делает многочисленнее и сильнее.

Потом Феликс и Эльза, забыв обо всем, пели с остальными гостями нежную песню:

Meine Liebe, meine Liebe
Komm zu mir, komm zu mir...

А ночью, во флигеле, выделенном Эльзе обиженными родителями, он учил ее любви, целуя бледно-голубые «лорелейные» – так называл он их – глаза, ее не потерявшие упругость грудь и бедра, на которых еще оставались следы тюремных истязаний, и оба сливались воедино, как две полноводные реки там, за стенами дома...

Наконец, пришло время сказать ей:

– Я должен вернуться домой, мои дела здесь закончены. Осталось только одно, самое важное. Я люблю тебя, и ты осчастливишь меня, если поедешь вместе со мной в маленькую, не похожую ни на какую другую страну – Израиль, – голос его дрогнул. – Милая, не дай мне уехать одному!

Она засмеялась – впервые за много времени:

– Ты такой рыжий, разве можно тебе отказать?..

И обласкала его взглядом голубых лорелейных глаз...

– Теперь все, все! – воскликнул Леон, вызывающе глянув на соседей, которые, впрочем, уже давно отодвинулись от них подальше. – После этой фанфары будет знаменитая «Ода к радости», и в ней – «Обнимитесь, миллионы»!

Перед хором вышли двое мужчин и две женщины, и глубокий бас наполнил амфитеатр:

– О фройде!

– Что это? – испугалась Эльза, схватив руку сына, – Он сказал то самое... страшное – «фройнде» – друг.

– Нет, – улыбнулся сын, – это «фройде» – радость.

– Нет-нет, – потрясенно бормотала она, – это они! Они везде! – и согнувшись в три погибели, двинулась между рядами к выходу.

– Эльза! – оба пытались остановить ее.

Тут грянула «Ода к радости»:

Freude, schoner Gotterfunken,
Tochter aus Elysium!
Wir betreten feuertrunken,
Himmlische, Dein Heiligtum...

А Эльза бежала, припадая к земле, когда над ее головой скользил прожектор с главной тюремной вышки, кралась вдоль складов, где хранились обувь и одежда заключенных.

Seid umschlungen, Millionen! – призывал хор.

– А, вот оно – «Обнимитесь, миллионы!» – дрожа, шептала Эльза. – Для чего? Чтобы легче было нас истязать?

Diesen Kus der ganzen Welt!
Bruder, uberm Sternzeit,
Muse ein lieber Vater Wohnen!

Потом, ища спасения от громких криков, она зарылась в какие-то высокие кусты, но и здесь ее нашла страшная плетка коменданта Коха...

– Мама, мама! – Леон беспомощно склонился над ней, а Илья, вырвав ее содрогающееся тело из колючих ветвей, кинулся к машине «скорой помощи», стоящей поодаль, к человеку в белом халате, который стал массировать ее слабеющее сердце, затем, выругавшись по-русски, впрыснул Эльзе какую-то жидкость, отчего она вздрогнула и судорожно вздохнула.

– Вы вовремя, – сквозь зубы сказал санитар, – еще минута и...
– Мамочка! – подбежал потрясенный Леон.
Веки Эльзы дрогнули, и мир вокруг показался ей странным.
– Это я, – напомнил он сдавленным голосом.
– Да, – прошептали её измученные губы. – А как... симфония?
– Отлично, хотя я не дослушал ее до конца. Но и Бетховен не слышал Девятую. Он дирижировал, глядя на руки своего помощника. А когда все окончилось, стоял, усталый и погруженный в свою глухоту. Тогда одна из солисток повернула его лицом к публике, которая неистовствовала, аплодируя и ликуя. И Бетховен лишился чувств...
Эльза тронула его ладонь холодной рукой:
– Музыка... – весь твой мир.
– Нет, нет! – чуть не закричал Леон, унимая слезы. – Ты тоже в этом мире! – и у него вырвалось отчаянное. – Мама, не оставляй меня!
Какое-то острое воспоминание заставило ее улыбнуться:
– Ты... такой рыжий... как тебе отказать?... – и обласкала его взглядом голубых лорелейных глаз.

Рина

Рано утром звонили родители, поздравляли, сообщили, что с тель-авивским театром «Гешер» ничего не вышло, поэтому денег нет, и они не смогут приехать на ее день рождения. Рина не очень огорчилась, ей не хотелось ничего затевать. Она и друзьям ничего не сказала о страшной дате – своем двадцатипятилетию, но по внезапному настойчивому стуку в дверь пришлось признать, что это секрет Полишинеля.

Она поразилась:

– Сарит!

– Я! – засмеялась гостя и протянула букет астр. – Ад меа вэ эсрим!

– Господи! – не слишком искренно удивилась Рина. – Я и забыла совсем.

– А мы не забыли! – засмеялась Сарит, показав на крохотного мальчика в коляске. –

Правда, Таль?

– Зе! – подтвердил тот почти бежжубым ртом.

– Так он реагирует на все новое, – объяснила мать.

Рина взмолилась:

– Дай мне его подержать! Чудный, чудный! Глаза светлые как серебро.

– Скоро явится еще кое-кто из ансамбля! – продолжала ошеломлять ее гостя.

– Что ты! – испугалась та. – Чем же я буду всех угощать? У меня в доме ничего нет!

– Ну, насчет еды не волнуйся. Никто не придет с пустыми руками. Вот пример, – она вынула из-под коляски большую миску с салатом.

– Ах ты, умница! – обняла ее Рина. – Остаётся проблема: тут не совсем удобно.

– Не то слово! – лукаво вставила подруга. – Сплошные матрасы и одеяла на стенах! Ты что, спишь вертикально?

Рина смутилась:

– Это от грохота самолетов... – и вдруг сказала задумчиво. – Идея! Что, если мы устроимся в сквере? Пойдем, покажу!

Они вышли через заднюю дверь, и с другой стороны был зеленый садик, окружавший старый платан.

– Зе! – обрадовался малыш, тыкая пальчиком в деревянные фигурки детей на толстых ветвях. – Иоси!.. Мули!.. Дуби!..

– Они напоминают ему его соседских друзей, – пояснила Сарит. – А кто они на самом деле?

– Сквер посвящен Наоми Шемер, а о детях она пишет в своих стихах.

Тут из маленькой избушки на вершине дерева стал спускаться плотный человек в синем комбинезоне.

Рина была разочарована:

– А мы собирались устроить здесь небольшой пикник!

– Ничего, – сказал тот, разглаживая пышные светлые усы. – Я починить кое-что... Если непорядок, всегда зовут Мокеича.

– А вам нетрудно подниматься вверх?

Ему стало смешно:

– Сибиряки мы. Сосна там – до неба!

Его заглушил звук резко остановившейся машины, из окна которой раздался знакомый голос:

– Рина!

– Илья! – удивилась она. – И ты тут?

– Меня послали в аэропорт, чтобы исправить старую мозаику. И вот решил навестить тебя. Не прогонишь?

– Нет, что ты! Добро пожаловать!

Вместе с Ильей из старенького Фиата вышел, улыбаясь, ярко-рыжий молодой человек.

– А это Леон! Я встретил его там же – он только что вернулся из гастролей. Это тот, кто пригласил меня на концерт Бетховена.

– Да, да, помню, – странно запинаясь, ответила Рина. – А как здоровье вашей мамы?

– Неплохо! – Леон тоже говорил, чуть ли не заикаясь. – В сущности, тогда, в Кейсарии Илья спас ее.

– Что же, – наконец, улыбнулась Рина, – это в его характере.

– Вот как!

Они старались не смотреть друг на друга.

Илью осенило:

– Слушайте, а вы раньше не были знакомы?

– Давно, – пробормотала она.

– Давно, – эхом повторил он.

Рина снова вернулась к своей проблеме:

– Чем же я буду кормить всех? У меня ведь сегодня день рождения...

– Что ты говоришь! Поздравляем, поздравляем! Но мы с пустыми руками.

Леон вспомнил:

– Я по дороге видел открытый киоск!

– Да! – подхватила та. – Здесь недалеко. Пойдем, покажу, – и оба, как-то забыв о существовании Ильи и Сарит, убаюкивающей ребенка, исчезли за углом.

Внезапно Рина сказала:

– Так это ты, Рыжик? Куда же ты исчез? Я ведь из-за тебя провалила выпускные экзамены.

– Прости! – промямлил он. – Мой дед в Германии тяжело заболел. Мама решила поехать туда, а я должен был сопровождать ее... потому что отец всегда занят...

Рина как-то странно глянула на него, и он осекся.

Они остановилась возле киоска с надписью «Пицца»:

– А помнишь, – глухо проговорил Леон, – мы были неразлучны. Друзья говорили, что каждый из нас дополняет друг друга... Как эти двое, – он показал на их отражение в темном стекле витрины, где горячая медь его волос оживляла ее бледно-холодное лицо...

Им открыл улыбающийся продавец, который нагрузил их пиццей разных сортов, и к ним Леон добавил шампанское, не французское, конечно, а из криковских подвалов Молдовы...

На обратном пути они неловко молчали, и уже у сквера Рина сказала:

– Я хочу также пригласить моего соседа напротив. Он всегда сидит на веранде, очень грустный, а ведь это известный стендапист Мошон – Смешон!

Тот, немолодой и лысый, долго отнекивался, прежде чем согласиться...

– Пицца, пицца! – были встречены они голодными криками гостей, к которым за это время присоединились Цвика, принесший шашлыки в еще горячей сковородке, и сестры Коэн с великолепным тортом.

– Ну, – провозгласил Илья, – теперь можно выпить за здоровье хозяйки, если Леон откроет свою бутылку!

– Выпейте и вы с нами! – предложила Рина усатому Мокеичу.

– Это можно! Благодарим покорно!

– А что будет с ними? – показала она на деревянных детей, снятых им с веток.

– Надо красть.

– Что? – изумилась та.

– Белой краской! – успокоил ее Мокеич.

Все чокнулись пластмассовыми стаканчиками:

– Ад меа вэ эсрим!

Цвика, в красном колпаке клоуна, которого он всегда изображал, обратился к молчаливому стендаписту:

– Мы видим вас по телевидению и всегда смеёмся. Может быть, вы рассмешите нас и сейчас?

Тот как-то горько вздохнул:

– Да, все хотят от меня этого, а мне теперь трудно удаётся юмор... с тех пор, как со мной случилась беда.

Сидящие рядом насторожились.

– Я работал, как обычно, в библиотеке «Ариэла», сочинял новую шутку, и вдруг на столе загорелся журнал, наверное, от сигареты рассеянного читателя. Огонь сразу перекинулся на мои тетради, потом на меня, в глазах заблестели горячие искры, и последнее, что я увидел, были мои герои, горящие, окровавленные, пляшущие вокруг меня в каком-то безумном танце...

Растроганный Леон долил рассказчику вина, тот судорожно выпил и продолжал:

– Я пролежал в больнице две недели и вышел, как думалось, невредимым, но что-то осталось во мне от того пожара: мне теперь хочется не шутить, а говорить о серьёзном. Я даже попробовал написать роман – не знаю, напечатают ли.

– И о чем он, если это не секрет?

– Меня всегда волновала тема добра и сострадания... Действие происходит в средневековье... рыцарь со своим оруженосцем борются со злом... Иногда они ошибаются, видя злодеев за крыльями мельницы или в кожаных мешках с вином... но главное их стремление – это помочь страждущим людям...

Растерявшиеся слушатели не могли взглянуть в глаза этого странного человека. Молчание прервал телефонный звонок в кармане Мокеича:

– Что? Где это? А-а! Сейчас приходите! – и объяснил присутствующим. – Тут в одной квартире кран – к черту!

– А как же это? – показала Рина на фигурки детей, лежащие на земле.

– Завтра докрашу. А вам – бог воздаст!

Цвика, пытаясь разрядить обстановку, спросил стендаписта:

– А не думаете ли вы сочинить чего-нибудь более современное?

– Что ж, я хотел бы написать о необычном человеке... которого все принимают за идиота, хотя его поступки проникнуты состраданием к ближнему... особенно, к женщине, любовнице богатого человека. Мой герой считает ее непорочной... и хочет взять в жены, а она не может принять его чистый наивный дар и убегает с разбойником... Впрочем, это еще не закончено... Я продолжу, когда будет время.

Рыжий Леон тихо спросил Рину:

– А то, что было у нас с тобой... можно продолжить?..

– Нет! – резко отрезала она горячим шепотом. – С меня хватает лжи – и этого чудака и твоей!..

Внезапно Мошон-Смешон глянул на часы и заторопился:

– Ах, я опаздываю на передачу! Спасибо за гостеприимство!

Он встал и быстрыми шагами пошел прочь...

– Ребята, это же из Достоевского! – проговорил Илья.

– Его место в сумасшедшем доме – фыркнула Сарит.

– А может быть, нужно было открыть ему правду? – подумала вслух старшая из сестер.

– Нет, – как всегда возразила младшая. – Это очень забавно: встретить человека, который ведет себя как настоящий дурак!

Тут Рина, которая не отводила взгляд от удалявшейся фигуры соседа, увидела, что он, на мгновение обернувшись назад, открыл смеющуюся физиономию.

– Боже мой, это мы с вами дураки! – воскликнула она. – Забыли, что он знаменитый юморист!

И ею тоже овладел смех, передавшийся всем остальным, кроме маленького Таля. Тот проснулся и горько заплакал, обнаружив пустоту в ветвях, где раньше были его деревянные друзья.

– Потерпи, мотек, – утешала его мать, – завтра они все будут на месте!

Но ребенок не понимал странные поступки взрослых и проговорил твердо:

– Момо!

Цвика, самый отзывчивый из всех, схватив одну из лежащих на земле фигур, полез вверх и поставил ее там, где она стояла раньше.

Это слегка успокоило Таля, но не надолго. Он упрямо поднял пальчик и потребовал:

– Дуби!

И что же – Цвика, которому протянули снизу другого мальчика, полез выше, потом, качаясь и рискуя упасть, вернул на место и его.

Стоявшие внизу наградили клоуна аплодисментами, и только Таль продолжал смотреть на всех холодными серебряными глазами:

– Мики!

Мать ахнула:

– Нет, мотек, это слишком высоко!

Сынок скривил губы, грозя снова удариться в плач.

– Ладно, ладно, – остановила его Рина, – ты победил!

Подтянувшись, она ухватилась за толстую ветвь и, приняв снизу третью фигурку, стала подниматься к вершине, где стояла маленькая избушка. Внезапно издали донесся низкий угрожающий звук, знакомый ей и Илье. Лицо Рины посерело, ноги стали скользить, она прижалась к гладкому стволу платана, как к тотему, сулящему спасение.

Впереди уже показался мощный силуэт Аэробуса, наполняя воздух страшным грохотом, голова Рины закружилась, и первым желанием было – отступить, укрыться в спасительной глубине избушки, и вдруг ей вспомнилось то постыдное, что случилось когда-то у фонтана Дизенгоф – как она испугалась вертолета и чуть не упала перед множеством людей, среди которых стоял Илья. И сейчас было похожее: Аэробус, казалось, шел почти прямо на нее, нет, шептали ее губы, нет, а там, в прозрачной кабине летчик будто кричал ей: Не отступать! Никогда не отступать! И тогда она заставила свое тело окаменеть, а сердце застыть, и тут сознание ее померкло, не дав ей услышать, что лайнер с грохотом прошел мимо, и увидеть Илью, который спешно поднимался к ней...

Ешу

Она лежала на постели, изможденная, без кровинки в лице, и если кто-нибудь пытался говорить с ней, показывала пальцами, что не слышит.

И речь Рины была прерывистой, непонятной. Её охватил страх от мысли, что она к тому же и онемевает, но врач, вызванный Ильей, сделал ей успокоительный укол и сумел разговорить пациентку.

Убедившись, что слух медленно возвращается к Рине, он рекомендовал полный покой и ушел вместе с расстроенными гостями.

Илья, конечно, остался. Присел рядом и, глядя ее беспомощные руки, пытался пошутить:

– Ты победила в этом аэросоревновании!

Он смотрел в осунувшееся лицо Рины, ожидая увидеть, как ее глаза окрасятся в янтарный цвет, но они оставались прежними, печально-кариими.

Она прошептала:

– Пиррова победа... Еще секунда – и сердце мое могло бы не выдержать. А что будет в следующий раз?

– Следующего раза не должно быть! – сквозь зубы процедил Илья. В голове его снова забились давняя безумная идея о ракете, которая разрушит посадочную полосу Аэробуса, и ему найдут другое место.

Он наскоро приготовил Рине какую-то еду и кофе и, стараясь не замечать ее укоризненного взгляда, помчался домой. Там, за этажеркой, в потертой коробке лежала ракета, которую он осмотрел тогда же, получив её от Муссы, и прочел о ней все, что было в Интернете. С тех пор, погруженный в мутный поток будней, Илья не вспоминал об этом, но она, холодная, зловеще враждебная, казалось, не забыла ничего и ждала своего часа...

Уже брезжил бледный рассвет, когда Илья подъехал к аэродрому, ярко освещенному огнями. Оглядевшись, он заметил небольшой двухэтажный домик, и – удача! – железные скобы, ведущие на крышу. Отсюда хорошо было видно широкое летное поле в первых лучах восходящего солнца.

Илья открыл тяжелую коробку.

– Так-так, – бормотал он, вспоминая армейские учения, и хотя то, что теперь было в его руках, отличалось от наших ракет, принцип был тот же. Он ввинтил трубки одну в другую, потом – взрывную головку, и тогда вспыхнула лампочка готовности – зеленая, как глаза Малки, его верной овчарки, с которой они в милуим прочесывали развалины Газы, и где она улавливала малейший подозрительный шорох. И сейчас Илья тоже различал странное движение в кустах можжевельника и несколько приглушенных звуков, похожих на «Алла». Мозг его, переполненный безумием этого дня, отказывался вместить дикую догадку о том, что здесь, почти рядом, таится враг, цель которого та же, что и у него. Это невероятное совпадение замутило вдруг ясность его мысли, в которой уже не было четкой грани между прошлым и тем, что происходит сейчас.

Тут снова прошелестело это – «Алла», и он уже не был в силах сдерживать рвущуюся вперед Малку, она тихо визжала и рвала из рук поводок, и наконец, вырвавшись, ринулась в темноту, и был взрыв и отчаянные вопли, и тревожная сирена на территории аэродрома...

Илья не помнил, как оказался на земле и побежал, чувствуя ужас и прохладные капли, внезапно упавшие на его пылающее лицо.

– Дождь, дождь! – бормотал он и сорвал с себя рубашку, подставляя грудь холодным брызгам. Потом, вспомнив о машине, поплелся между узкими улочками, и когда увидел свой старенький Фиат, ему почудилось, что это не он нашел его, а тот – своего потерянного хозяина.

Илья кинул рубашку в кабину и, обессиленный, присел на кромку дороги, впитывая всем телом живительную влагу. Внезапно к нему приблизился странный человек – маленький, но в большой черной шляпе.

– Реб ид! – произнес незнакомец. – Тит мир а тойвэ!

И видя, что тот не понимает, перешел на иврит:

– Вы еврей?

– Да.

– А имя?

– Илья.

– Илья? – возмутился тот. – Нет, в Танахе сказано Элияху! Слушайте: нам не хватает двух мужчин для миньяна. Хотите помолиться с нами? Я Иосиф, казначей из бейт-кнесета, – он показал на приземистое здание за его спиной.

У Ильи не оставалось на это сил, но умоляющим глазам его собеседника нельзя было отказать...

Он оделся и, пройдя внутрь, перестал сожалеть о своей уступчивости – молельный зал напоминал собой музей давно состарившихся вещей: выцветший занавес с давно стершимися надписями, тяжелые и почти непрозрачные от пыли люстры и то, что поразило его больше всего – не потерявший своего цвета и изящества мозаичный рисунок на каменном полу.

И словно с полотен Питера Брейгеля сошла сюда группа мужчин в белых талитах, с которыми познакомил Илью его проводник, коротко назвав каждого по имени, а перед белобородым старцем поклонился:

– Овадия, учитель кабаллы!

К ним подошел широкоплечий лысый человек, выделявшийся властной осанкой, как понял Илья – рав:

– Что ж, господа, придется еще подождать, пока, с божьей помощью, появится десятый!

Иосиф, водрузив на голову Ильи бумажную кипу, усадил его рядом с собой и положил перед ним молитвенник, открытый на нужной странице.

Нетерпеливо ожидая начала, Илья с любопытством осматривал необычную мозаику.

– Это арфа Давида, – пояснил казначей. – Очень древняя. Да и весь дом стоит с незапамятных времен. Нужен большой ремонт!

– А почему вы не ходите в новую синагогу, что открылась в центре города?

– Мы люди немолодые, – улыбнулся тот, – и привыкли молиться здесь.

Его маленькое морщинистое лицо, освещенное искусственными свечами, показалось Илье знакомым:

– Кажется, я знаю вас. Вы живете недалеко от моей приятельницы у сквера Наоми Шемер, правда? Я видел вас со стройной черноволосой девушкой. Ваша дочь?

Тот прошептал:

– Да... да...

И вдруг по щекам его покатались слезы:

– Элоким забрал ее... майне нешумэ...

Илья был потрясен:

– Но... зачем же вы... молитесь?

Иосиф отвернулся от него, шепча:

– Ах, я прошу Его... дать моей Фейгале... место в раю...

Для Ильи это было выше того, что он мог вынести сегодня.

– Наверное, – сказал он свистящим шепотом, – вы молились ему и в то время, как она... Но он не помог ей!.. Вы не спросили себя: почему, почему? А потому, что он не слышал вас!

Люди, сидящие вокруг, повернули к нему встревоженные физиономии, но Илья уже не мог остановиться:

– По вашим книгам бог – это тот, кто занят судьбами огромной Вселенной, им же сотворенной. Может ли он прислушиваться к мольбам таких маленьких существ, как мы?

– Позвольте, позвольте! – подскочил к ним рав. Он придержал кипу, сползавшую с его лысой головы, и нервно заметил:

– Вы не можете здесь открывать нам ваши крамольные мысли! Мы все...

Его прервал старик Овадия. Поглаживая длинную белую бороду, он назидательно проговорил, как бы снисходя с высоты своего возраста и сана:

– Пусть выскажется! Истинно верующим не повредит мнение человека, думающего иначе.

Илья уже пожалел о своем порыве, но благожелательный тон Овадии словно приглашал его сказать все до конца:

– Вы, конечно, знаете, что Создатель признавал наших праотцев, однако это были великие люди, что позволяло им общаться с ним, как равным – Авраам, споривший из-за каждого спасенного в Содоме, или Иаков, борющийся с ангелом, который, в сущности, был...

– Элоким! – дополнил его старый каббалист – Что же, ты неплохо знаешь Танах. От отца, наверное, или деда? А рассказали ли они тебе о другом еврее, Ешу, что две тысячи лет назад проповедовал подобное и был распят? Так вот, – его тонкий голос дрогнул от нескрываемого сочувствия, – тебе нужно знать, что ты выбрал очень опасный путь!

И как бы в подтверждении его слов, воздух разорвала ослепительная вспышка молнии и затем – тяжелый удар грома, отчего свет в зале погас, а когда вспыхнул вновь, оказалось, что на старинную мозаику упала большая люстра и разбросала вокруг цветные осколки арфы Давида.

Присутствующие испуганно кинулись назад, а Илья, наоборот – к месту случившегося и убедился со вздохом облегчения, что все фрагменты целы и просто выпали из креплений. Остальные с интересом следили за тем, как он укладывает их на прежние места – осторожно и, сдерживая волнение, словно это не мозаичный рисунок, а древние струны, которые еще удивят мир прекрасными звуками.

Но рав был недоволен. Приблизившись к Илье, он раздраженно сказал:

– Вам нельзя оставаться здесь. Эта молния... Вы уже накликали беду на нашу голову!

Тут входная дверь с шумом распахнулась, впуслав двух мужчин в черных пальто и таких же шляпах, а за ними – старушку с красным зонтом, которой они не давали пройти, говоря:

– Тут молятся только мужчины!

– Братья Луэль! – приветствовал их рав. – Вот и будет у нас миньян. – И подойдя, сказал женщине. – Я вас знаю, вы – Хая, приходите сюда молиться почти каждый день. Но поймите – здесь вам нельзя быть!

Та пыталась защищаться:

– Там, наверху, где место для нас, все завалено досками!

– Мы скоро начнем ремонт! – объявил рав. – А теперь уходите! И вы тоже! – протянул он руку к Илье.

– Я только закончу с мозаикой! – отозвался тот.

– Нет! – уже почти кричал рав. – Это должен делать верующий еврей! – и его поддержали голоса остальных. – Ведь эту арфу дал царю Давиду Элоким!

– Вот-вот! – уже не владея собой, взорвался Илья. – Давид и его сын Соломон были последними великими людьми, с которыми общался бог. А потом он отдалился от нас, жалких, лживых, думающих только о собственной выгоде!

Тут снова раздался мощный удар грома, а после него – дрожащий фальцет старого Овадии:

– Ребе, пусть они останутся! Вокруг гроза, дождь!

– Ничего! – впервые возразил ему тот. – Дождь – это благословение неба!

– Идемте отсюда! – в каком-то остервенении крикнул Илья плачущей женщине и потянул ее за собой.

Они были сразу схвачены беснующейся тьмой, где бушевал ветер, хлестали холодные струи ливня и путь терялся под гаснущими фонарями.

– Здесь недалеко... дом моей подруги! – кричал Илья, ведя Хаю к машине, и вдруг почувствовал, что она отталкивает его от себя.

– Что, что? – спрашивал он и еле разобрал слова, полные ужаса:

– Ты говорил в бейт-кнессете такое... мы оба погибнем... потому что ты... идешь дорогой грешника!

И, вырвавшись, она пропала в темной ночи.

Тогда Илью тоже пронзил страх – не за себя, за ту, что, наверное, корчится сейчас от громовых ударов. «А что, если я неправ? – билось в его истерзанном мозгу. – Ведь все еще можно изменить. Просто вернуться туда, к этим маленьким людям!»

И тут яркая вспышка молнии осветила под гнувшимся деревом старую женщину, которая сжалась в отчаянный комок и, казалось, погибала в злобном хаосе бури.

– А! – как безумный захохотал Илья. – Значит, нет другой дороги!

Он втянул Хаю в машину, и через пять минут перед ними возникли окна знакомого дома, неожиданно открытые настежь и залитые светом. Толкнув дверь, тоже почему-то не запертую, Илья застыл на пороге, пораженный. Там, в ярко освещенной комнате Рина срывала со стен одеяла, простыни – все, что спасало ее от грохота самолетов.

– Что здесь происходит? – сдавленным голосом произнес он.

Она повернула к нему светлое возбужденное лицо с сияющими янтарными глазами:

– Снимаю со стен всякую дрянь!

– Почему?

– У нас праздник! Аэробус не прилетел!

– Как это? – чуть ли не заикаясь, спросил Илья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.